

Гарольд Быков:

«Я пришёл играть в...куклы»

Наш герой — инженер-конструктор. Последние десять лет — заместитель директора Центрального Дома архитектора. В свободное время, по информации «Кохинора», исполняет Вивальди, Генделя и Глюка в испанской трактовке, бессарабской манере и цыганском направлении.

— Гарольд Павлович, что заставило вас прийти на работу в ЦДА?

— В 1964 году я пришел в ЦДА ...играть в куклы!

— Вы хотели сказать — выступать с куклами?

— Ну, конечно. Здесь был прекрасный кукольный театр, которым руководила Ирина Теодоровна Орлова. Мы сами делали кукол, озвучивали их, писали тексты... Это было так увлекательно!

— Что же вы расстались с ними и перешли в «Кохинор»?

— У театра и ансамбля был один мастер — Александр Владимирович Хейфиц. Услышав, как я пою, он пригласил меня в ансамбль. И было это в 1967-м.

— О «Кохиноре» вы можете говорить без конца.

— Но это же целая жизнь! Даже в те времена, когда была жесткая цензура, мы пели острые, сатирические куплеты. У нас были свои авторы, они и писали тексты. А исполняли мы их на популярные мелодии из классики, эстрады... Получался мощный хор.

— Вы занимались музыкой профессионально?

— Родители отвели меня в Бакинскую консерваторию (мы жили тогда в Баку), и профессор, определив абсолютный слух, включил меня в группу одаренных детей... Но тут началась война. Отец ушел на фронт. И моё музыкальное образование на этом закончилось.

В начале 60-х, умея играть лишь на гитаре, я начал писать музыку. Сочинял лирические песни и романсы на стихи любимых поэтов: Сергея Есенина, Пастернака, Гамзатова, Гиттуева... Исполнял их только в тесном кругу друзей. Меня не воспринимали без гитары. Собиралась компания, я пел, всем нравилось, и мне было приятно.

— Вот почему «Кохинор» стал вам родным?

— Обожаю многоголосие... Хоровое

тение для меня — верх искусства. Когда много голосов, все звучит так объемно! Выступая в «Кохиноре», я получаю огромное удовольствие.

— **Я слышала, что «Кохинор» очень любил Аркадий Райкин?**

— Да, он часто приходил на наши спектакли. Однажды даже предложил сделать совместную программу. У нас были очень острые тексты, которые касались жизни и архитекторов, и политиков. Все говорили, что только нам и Райкину разрешается ещё что-то этой властью.

Мы объездили всю страну. Были в Норильске, Бресте, Ереване, Тбилиси... Самый расцвет ансамбля приходится на 70 — 80-е годы. Раз в два-три года полностью обновлялась программа.

Мы очень пышно отмечали творческие вехи коллектива. Например, 35-летие в Концертном зале имени Чайковского. Помню слова Ростислава Яновича Плятта: «Я подчеркиваю, что перед вами выступает самодейтельный ансамбль, который просуществовал 35 лет с такими-то текстами! Их можно приравнять к долгожителям Кавказа».

— **Можно ли «Кохинор» возродить сегодня?**

— Ну, что вы?! Он существовал за счет энтузиастов. Мы никогда не получали никаких гонораров, но отдали коллективу полжизни. Родители «Кохинора»: художественный руководитель — народный архитектор СССР, главный архитектор Зеленограда Игорь Александрович Покровский и музыкальный руководитель — Александр Владимирович Хейфиц. Постепенно ансамбль распался. Одни уже ушли в мир иной, другие состарились, третьи шибко заняты... Пытаемся сейчас делать какие-то фрагменты, выступать у себя в Доме архитектора. Но это уже не хор, а соло, дуэт... Тексты только по-прежнему

очень острые. Это традиция.

— **Гарольд Павлович! Вы по профессии архитектор?**

— Как раз нет. В 1957-м я окончил Московский институт инженеров городского строительства. Поработал десятником на стройке, возводил школьные здания из блочных элементов. Потом в научно-исследовательском институте занимался разработкой стеновых конструкций. Даже получил авторское свидетельство за свое изобретение. Много лет занимался проектированием жилья. Разработал стеновые панели для гостиницы «Юность». Это была «проба пера»!

— **И вас интересовали стеновые панели?**

— Видите ли, мне было интересно придумывать что-то новое. Обожаю планировочные решения. По своему проекту построил дачу, баню, реконструировал квартиру...

— **То есть в душе вы все-таки архитектор?**

— Бесспорно. Мне доводилось проектировать такие интересные здания, как туристический комплекс в Суздале, гостиница в Дагомысе... За

год до развала Союза меня пригласили начальником управления в Государственный комитет по архитектуре и градостроительству.

— **Скажите, а почему вы стали именно инженером-строителем?**

— Вообще-то я хотел быть химиком. У нас в школе был молодой препода-

ватель, так увлекший нас, что мы дневали и ночевали в химической лаборатории. Многие пошли по этой стезе. Я тоже приехал сдавать экзамены в МГУ на химический факультет. Все сдал успешно и на химии уже ответил преподавателю на билет, но тут в аудиторию вошел академик в ермолке. Подсел ко мне и говорит: «А вот вас, батенька, я ещё не послушал». И давай задавать мне вопросы из внутриатомного строения, которое мы в школе проходили лишь факультативно. Начал я бекать, ме-кать... Тут он и посоветовал преподавателю, который уже собирался ставить мне «отлично»: «Я бы ему, батенька, больше «тройки» не дал». Обидно, но что делать?! Досдав в Горьком в строительный вуз рисунок и черчение, я пошел по стопам своих отца и дяди, строителей.

— Дом архитектора всегда притягивал сердца. Как удается сегодня поддерживать традиции?

— Сейчас традиции мы как раз и пытаемся возродить. Жизнь в Доме всегда была очень насыщенной. Сюда любили приходить не только архитекторы, но и артисты, и литераторы. Когда выступали «Кохинор» и «Рейсшинка», у ворот стояла конная милиция. По-прежнему архитекторы любят свой Дом. У нас очень интеллигентная, теплая, доброжелательная публика. Одним словом, я правильно поступил, что дважды перешагнул порог этого Дома: в начале 60-х и в начале 90-х.